

3. Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/10/17/ural-site-dok.html>

4. При анализе работы учреждений культуры использованы материалы Областной целевой программы «Развитие культуры в Свердловской области» на 2011-2015 годы, утвержденной постановлением Правительства Свердловской области от 11.10.2010 г. № 1474-ПП и другая информация с официального сайта Министерства культуры и туризма Свердловской области.

УДК 314

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИИ¹

Кузьмин Александр Иванович

доктор социологических наук, профессор, вед. научн. сотр.

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург

E-mail: kuz53@list.ru

THE NEW HORIZONS OF DEVELOPMENT OF A YOUNG FAMILY IN RUSSIA

Kuzmin Alexander

Doctor of Sociology, Professor, leading scientific researcher,

Institute of Economics of UB RAS, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ – Цель публикации заключается в попытке привлечь внимание к авторской интерпретации открывающихся перспектив демографического развития молодой семьи в условиях новейших изменений в институциональной среде России. Методы исследования: демографическая статистика, социология семьи и демографического поведения личности, нормативно-правовой анализ. Результат исследования: обоснование положительного влияния мер демографической, семейной и молодежной политики на рождаемость, репродуктивные и брачные установки. Автор статьи приходит к выводу, что процесс признания молодой семьи в качестве субъекта права в России положительно скажется в будущем на стабильности институтов семьи и брака при условии отмены экономических санкций к России со стороны Евросоюза и США и преодоления финансового кризиса в стране и последствий рецессии.

АННОТАЦИЯ – The purpose of the publication is to try to draw attention to the author's interpretation of the new prospects of demographic development of young family in terms of the latest changes in the institutional environment in Russia. Methods: Demographic Statistics, Sociology of the family and demographic behavior of the person, the legal and regulatory analysis. Results: the study of the positive impact of measures of population, family and youth policies on fertility, reproductive and marital installation. The author concludes that the process of recognition of a young family as a subject of law in Russia have a positive impact in the near future on the stability of the institutions of marriage and family provided the lifting of economic sanctions against Russia from the European Union and the United States and the financial crisis in the country and the effects of the recession.

Ключевые слова: население, семьи, домохозяйство, репродуктивное поведение, демографическая политика, мотивы рождаемости, демографический переход, русский крест.

Keywords: population, families, household, reproductive behavior, demographic policy, motives of birth rate, demographic transition, «Russian cross».

После завершения бурного XX века размеры естественной убыли в регионе стали заметно сокращаться. Переломные тенденции в сокращении размеров уральской депопуляции обозначились лишь в период 2006–2008 гг., причем как в городской, так и в сельской мест-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Гранта РГНФ а1 № 13-33-01028 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России»

ностях. В конце концов, эта тенденция распространилась на всю территорию УрФО. В 2011-2013 гг. имел место заметный рост общей рождаемости и снижения вала смертности. Конечно, во многом «антидепопуляционный эффект» был результатом не только роста общего уровня рождаемости, но и снижения уровня младенческой смертности, а также снижения потерь населения по причине сокращения случаев убийств и самоубийств. При этом, к сожалению, не прекратились распространение современных трудноизлечимых форм туберкулеза, употребления наркотиков различного вида и рост ВИЧ-инфицированных. К тому же, усилилась скрытая трансмиссия возбудителей заболеваний населения в результате мощного притока иностранной рабочей силы в такие динамично развивающиеся мегаполисы Урала как Екатеринбург, Челябинск, Уфа и в крупные города уральского Севера). Последовавший после завершения второго демографического перехода выход России из ситуации «русского креста» проявился не только в сокращении естественной убыли населения и в переходе к повышению естественного прироста населения, но и в последовательном росте величины суммарного коэффициента рождаемости начиная с 1999 по 2010 гг. Рост среднего числа детей у условного поколения женщин произошел в УрФО с 1999 г., а в сельской местности – только с 2002 г. (рис. 1) [1].

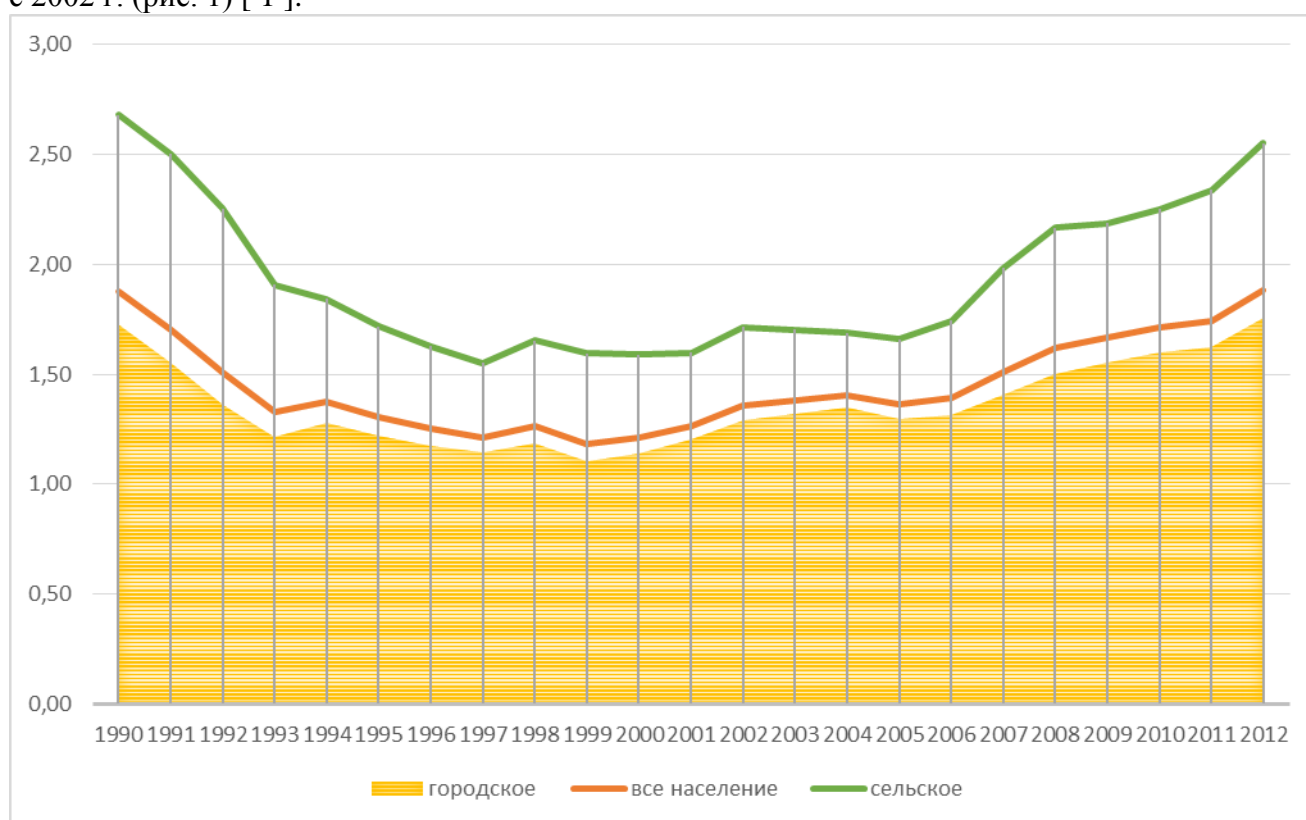

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента населения УрФО

Конечно же, динамика суммарного коэффициента в Уральском федеральном округе России не представляет нечто самостоятельное вне общероссийского тренда. Но четко обозначенная тенденция роста за 2001 – 2012 гг. подтверждает практически полное возрождение уровня суммарной рождаемости в сравнении с ситуацией 1990 г. Особенно поражают данные по городскому тренду. Отчасти это подтверждает гипотезу активного формирования *новой модели рождаемости и новой модели молодой семьи в условиях постиндустриального общества*. Тенденция формирования семейной структуры общества характеризуется влиянием постарения брачного возраста и сдвигом в сторону старших возрастных групп частоты живорождений, абортов, характеристик контрацептивного поведения супругов. Тенденция сдвига в календаре рождений под влиянием трансформации брака пришла в Россию из Европы не сразу. В связи с этим обстоятельством нельзя не отметить тенденции роста суммарной

рождаемости после миллениума, На данном этапе третьего демографического перехода, затянувшегося в регионах России явно усиливается значение фактора перестройки института брака и семьи наряду с возросшим влиянием на процесс воспроизводства населения глобальных миграционных процессов и конурбации. Если рассматривать современный процесс рождаемости в границах Урала и УрФО, то суммарная рождаемость на Среднем Урале была самой низкой. Практически Свердловская область не имела никаких шансов вырваться вперед по уровню рождаемости, по сравнению с другими территориями округа еще в 2009 г. и ее показатели были всегда ниже средних по Уральскому федеральному округу (1,546 против 1,617). Заметим, что суммарная рождаемость на Ямале в этом году составляла 1,799, а в ХМАО-Югре – 1,773. [2]. Обнаружило себя и отставание села по росту суммарной рождаемости. Собственно повышение суммарной рождаемости стало происходить с 2002 г., тогда как в городском населении – уже с 1999 года. Печально, но *потенциал рождаемости в семьях* на Урале исторически снизился (в 1970 г. он составил 48,0%, а вот степень его реализации в фактическом числе рождений была на уровне 54 %). В 1970 г. произошел первый и очень мощный удар по потенциалу рождаемости семьи на Урале - ГМЕР снизился до 47,3 ‰, а степень его реализации в *фактическом числе* родившихся уже тогда упала до 32,1 ‰. В 1979 г. величина ГМЕР на Урале поднялась до 48,3‰, но степень реализации оставалась низкой - 35%. С учетом того, что потенциал рождаемости сократился, что подтверждается расчетами ГМЕР за межпереписной период 1989-2010 гг. как в городах, так и на селе, можно говорить о росте частоты фертильности в наиболее репродуктивных возрастных группах женщин. Итак, величина реализации потенциала рождаемости на Урале выросла за 2002-2010 г. с 27% до 37 % в целом (а на селе – даже до 40 %). Следует отметить, что *рост реализации гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) на Урале произошел именно за период 2002–2010 гг.*

В границах УрФО *«статистически» ожидаемое число родившихся* в зарегистрированном браке по модели ГМЕР составило по нашим расчетам в год проведения ВПН 2010 г. 394,8 тыс. детей обоего пола. Число родившихся в УрФО у матерей в возрасте до 20 лет достигло 17,2 тыс. чел. А вот внебрачная рождаемость – 44,8 тыс. детей. Величина родившихся у матерей старше 50 лет не превысила 2‰. В итоге, статистически ожидаемое число детей по модели ГМЕР должно было достигнуть 457,1 тыс. детей (37,8‰) или с поправкой на рождаемость у пожилых женщин – 38,1‰. Но общий коэффициент рождаемости составил в это время 14,1‰. Таким образом, степень реализации потенциала рождаемости по методике В.А.Борисова составила 37,1 ‰. [3, с.16]. Разница в числе не родившихся детей (23,9 ‰) падает в основном на аборт того или иного вида и лишь на 3-4‰ может быть обусловлена за счет *контрацептивной защиты* женщины (супругов). Вероятность же стерилизации у мужчин на Урале практически ничтожна.

Таким образом, спад потенциала рождаемости и степени ее реализации в фактическом числе детей в 1970 г. было очень серьезным предупреждением *безопасности демографической системы* не только для Урала, но и для СССР в целом. Первый опыт предоставления пособий для семьи и введение длительного послеродового отпуска и даже готовность Правительства пойти по пути предоставления кредитов молодой семье (с последующим погашением выплат родителей с учетом рождения первого и второго ребенка, но только в момент взятия кредита на жилье) сумели тогда улучшить демографическую ситуацию. Естественно, что в период гайдаровских реформ рождаемость просто осталась без мер государственной поддержки, а семья временно очутилась в ситуации жесткой депривации экономически и психологически, что привело к мощному депопуляционному срыву жизнедеятельности российской системы воспроизводства народонаселения в целом.

Последовавшие на основе национальных проектов широкомасштабные государственные мероприятия по реализации стратегии «платного материнства» и выстраивания системы материнского (семейного) капитала в начале XXI в. не смогли повысить потенциал рождаемости на Урале, который сократился до 38,1 ‰, но явно способствовали росту его реализации. Это обстоятельство спасло положение с общей рождаемостью и сократило масштабы

открыто идущей депопуляции до размеров приемлемого «нулевого баланса» чисел родившихся и умерших. Это серьезный демографический аргумент, подтверждающий значимость семейной политики государства, хотя когортные показатели рождаемости вели себя неоднозначно в период 2006-2012 гг. Гипотетический минимум естественной рождаемости (ГМЕР) на Урале за период 2002–2010 гг. заметно снизился до 38,1 ‰. Этому способствовал не столько рост рождаемости у молодых женщин сколько выявленные тенденции в повышении коэффициентов рождаемости в старших возрастных группах женщин репродуктивного возраста. Это обстоятельство (как и рост частоты живорождений именно в когортах женщин, которым далеко «за тридцать») подтверждают гипотезу *активного формирования новой модели рождаемости в семье* и активного влияния на нее факторов демографической политики, а также тенденций миграции.

К сожалению, стандарт естественной рождаемости В.А.Борисова в современных условиях, скорее всего, *полностью не применим к оценке потенциала рождаемости из-за серьезного смещения в календаре рождений и сдвигах в моделях интергенетических интервалах современных поколений (стандарт естественной рождаемости Борисова был предназначен для оценки ситуации исключительно в условиях СССР)*. Сегодня требуется корректировка ГМЕР в старших возрастных группах замужних женщин, как и самого понятия «состоит в браке». Однако эти поправки, на наш взгляд, не затрагивают самой сути концепции исторического убывания потребности в детях у семьи и снижения репродуктивной мотивации в принципе под влиянием доминирования социально-психологических ценностей деторождения (А. И. Антонов) [4] и распространения норм «запланированного демографического поведения» (И. Айзен) [5].

Подростковая рождаемость на Урале продолжает падать с начала 90-х годов прошлого века (за исключением кризисного 2008-2009 гг.). Однако в 2012 г. наметился ее новый рост (особенно в Курганской и Тюменской областях). Данное обстоятельство вызвало рост показателей рождаемости в возрастах 15-17 лет. Последние социолого-демографические обследования подтверждают данную тенденцию. Достаточно интересную картину изменения причин репродуктивного поведения населения дает анализ дифференциации рождаемости по возрастным группам женщин, находящимся собственно в интервалах жизнедеятельности молодой семьи, т.е. в возрастном интервале до 30 лет. Отметим, что уже в 2010 г. в возрастной группе женщин 20–24 года частота рождений в Уральском федеральном округе (94,2‰) поднялась заметно выше частоты рождений Центрального (78,7‰) и Северо-Западного (76,1‰) округов. В возрасте 25-29 лет изменения были выражены еще заметнее и значительнее. Частота рождаемости на Урале поднялась в возрастах «молодой семьи» с 59,3 до 117,2 ‰. Столь значительная частота рождений в этой возрастной группе была лишь в Северо-Кавказском округе, что ранее могла показаться маловероятным.

Изменилась и структура репродуктивной мотивации в семье, особенно в сельских районах страны. На территориях Урала более высокие репродуктивные ожидания связаны с повышенной долей социально-экономических ценностей деторождения, а низкие с повышенным представительством психологических ценностей. Это предполагает, что меры демографической политики в экономической сфере стимулирования рождаемости сыграли свою роль в коридоре максимальных и минимальных оценок желаемого числа детей (или в пределах потребности семьи в детях, но не более). Именно поэтому рост *материнского капитала* и его региональных компонентов, расширение возможностей использования его наряду с льготами улучшения жилищных условий молодых семей мог бы сказаться в рамках потребности в детях с повышением дополнительного числа рождений детей второй и третьей очередности.

Более глубоко ситуацию с рождаемостью на Урале позволило выявить специализированное обследование Росстата в сентябре-октябре 2012 г. Федеральной службой государственной статистики было проведено выборочное обследование репродуктивных планов населения в 30 субъектах Российской Федерации. В ходе обследования было опрошено 10054 человека, в том числе 5144 женщины и 4910 мужчин. Городские жители составляют

72,3% опрошенных, сельские – 27,7%. Опрашивались женщины в возрасте от 18 до 45 лет и мужчины – от 18 до 60 лет.¹ Всего было опрошено 10054 человека, из которых 525 являются жителями Свердловской области (большее количество респондентов представляли только Московскую область и Санкт-Петербург) [6, 7, с.142-145].

В целом по российской выборке проявила себя тенденция растягивания интервалов между рождением детей. Увеличивается интервал между началом супружеской жизни и рождением первого ребенка. У тех, кто рожал первенца в 1990-е гг., он составлял, в среднем, почти год, в 1995-2009 гг. – 15 месяцев, а в последние три года – 20,3 месяца. Это происходит, во многом, из-за откладывания регистрации брака. *Величина интервала между вступлением в первый брак и его регистрацией у тех, кто рожал первого ребенка до 1990 г. составляла, в среднем, 0,8 месяца, в 1990-1994 гг. – 1,8 месяца, в 1995-1999 гг. – 1,9 месяца, в 2000-2004 гг. – 3,5 месяца, в 2005-2009 гг. – 2,1 месяца, в 2010-2012 гг. – 3,0 месяца. Таким образом после регистрации ребенка молодые люди не спешат сегодня с оформлением отношений и тянут все больше и больше.*

В еще большей мере очевидна тенденция увеличения первого интергенетического интервала, т.е. интервала между рождением первого и второго ребенка. Если бы повышение рождаемости, которое происходит в России в 2007-2012 гг., было бы связано с изменением календаря рождений, более ранним появлением на свет детей, благодаря реализации дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми, то это сказалось бы, видимо, на величине интервала между рождением первого и второго ребенка. Она должна была бы несколько сократиться по сравнению с той величиной, которая имела место при рождении вторых детей в предыдущие годы. Прежде всего, на вторых рождениях это могло отразиться, потому что мерой, которая вызвала наибольший общественный резонанс, был материнский (семейный) капитал.

В Свердловской области ожидаемое число детей повысилось по сравнению с кризисными 1990-ми гг. до двух детей в среднем на респондентов женщин и мужчин, что было отмечено В. Н. Архангельским [7, с.142-145].

Почти половина опрошенных женщин (48,1%) и мужчин (47,5%) при наличии всех необходимых условий хотели бы иметь двоих детей, а около 30% (29,0% женщин и 28,9% мужчин) – троих. В качестве того числа детей, которое респонденты собираются иметь (ожидаемое число детей), они также чаще всего называли двоих детей (44,3% женщин и 49,4% мужчин). 26,3% женщин и 18,3% мужчин собираются ограничиться одним ребенком, а троих и более детей намереваются иметь 16,8% женщин и 18,2% мужчин.

Большее число рожденных детей связано с более ранним их рождением.

Таблица 1

Желаемое и ожидаемое число детей в сочетании с возрастом при рождении первого ребенка (Свердловская область, 2012 г.)

Возраст при рождении первого ребенка (лет)	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
до 20	2,57 (N=37)	2,25 (N=36)	3,00 (N=9)	2,67 (N=9)
20-21	2,49 (N=43)	2,12 (N=41)	2,39 (N=31)	2,10 (N=29)
22-24	2,31 (N=54)	1,89 (N=46)	2,54 (N=52)	2,19 (N=54)
25 и старше	2,24 (N=46)	1,68 (N=43)	2,37 (N=62)	1,90 (N=62)

У опрошенных жительниц Свердловской области, родивших только одного ребенка, средний возраст при его рождении составил 23,61 года, у тех, кто родил двоих детей,

¹ Инструментарий и аналитический отчет по результатам исследования в РФ были подготовлены д.э.н., профессором кафедры народонаселения экономического факультета МГУ Зверевой Н.В. и к.э.н., зав.сектором Центра народонаселения МГУ В.Н.Архангельским.

средний возраст при рождении первенца равен 21,59 года, а у женщин, родивших троих детей – 20,48. При рождении второго ребенка средний возраст матери составлял 28,02 года у тех, кто двумя детьми пока и ограничился, и 23,68 года у родивших троих детей. У женщин Свердловской области, отложивших рождение первенца на более поздние сроки, общее желаемое и ожидаемое число было в среднем меньше по сравнению с более молодыми мамами.

Резкая дифференциация желаемого числа детей у «матерей и отцов» с возрастом видимо объясняется разными календарями рождений в разных когортах и поколениях. Кроме того ожидаемая рождаемость и желаемое число детей связаны с действием фактора контрацепции. В исследовании это проявилось благодаря ответам на вопрос о том, предохранялись ли супруги после вступления в брак от риска рождения второго ребенка и последующих рождений.

Таблица 2

Желаемое и ожидаемое число детей в сочетании с использованием контрацепции до рождения первого ребенка в данном браке (Свердловская область, 2012)

Предохранялись ли Вы с мужем (женой) от беременности – после вступления в нынешний брак до рождения первого ребенка	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
Да	2,19 (N=54)	1,78 (N=49)	2,31 (N=42)	1,80 (N=41)
Нет	2,41 (N=83)	1,97 (N=76)	2,42 (N=105)	2,01 (N=105)

В. Н. Архангельский отмечает, что у тех женщин, которые предохранялись от беременности до рождения первого ребенка, желаемое и ожидаемое число детей, в среднем, на 0,2 меньше, чем у тех, кто не делал этого. У мужчин столь значимые различия имеют место по среднему ожидаемому числу детей, по желаемому числу детей они несколько меньше, но тоже существенны. Ориентация на семейные ценности влияет на репродуктивные установки и ожидания. Самые *низкие*, в среднем, показатели и желаемого, и ожидаемого числа детей у тех женщин, которые, по собственному признанию, в свободное от работы и домашних дел время стараются *одни* выбраться из дома, встретиться со своими подругами. Оценивая перспективы изменения рождаемости отметим, что среднее ожидаемое число детей в Свердловской области, по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного в 2012 г., составило, как отмечалось выше, 1,91 у женщин и 1,92 у мужчин. Это очень близко к величине суммарного коэффициента рождаемости, при этом тайминговые сдвиги по-прежнему влияют на кумулятивную рождаемость условного поколения женщин [7, с.142-144].

Таким образом, есть основания полагать, что *итоговое число рожденных детей в реальных поколениях женщин заметно меньше того*, которое они называют в качестве ожидаемого, а суммарный коэффициент рождаемости для условного поколения, который может быть достигнут при таких итоговых числах рожденных детей еще ниже.

Негативное влияние фактора маятниковой миграции членов молодой семьи на репродуктивную ориентацию остается ощутимым в силу фактора бедности населения периферийных городских округов и районов Урала. Последние замеры желаемого числа детей у подвижного и мобильного населения подтвердили этот факт. В ходе опроса выяснялось наличие у респондента фактического (Сколько всего у Вас детей (даже если они уже взрослые) и желаемого числа детей (Сколько всего хотели бы иметь детей, если бы для этого были созданы все условия). В результате было установлено, что распределение

опрошенных по *желаемому* числу детей в группе маятниковых мигрантов имеет более высокую вероятность появления на свет детей высокой очередности. Было выявлено, что при усилении частоты возвратных миграционных перемещений ориентация на трех и более детей возрастала в интервале от еженедельных поездок до поездок через каждые три дня. Затем желаемое число детей снижалось, а частота ориентации на двоих резко возрастала, что видно связано с более четко выраженным семейным статусом маятниковых мигрантов, вынужденных ездить и возвращаться к семье каждый день-два. Поскольку подвижны в «маятниковом режиме жизни» прежде всего молодые семьи, постольку возможности полного цикла миграции молодой семьи существенно ограничены материальными и жилищными обстоятельствами (табл.3).

Таблица 3

Распределение респондентов по желаемому числу детей в зависимости от частоты возвратных поездок и иной подвижности в регионе, % в строке 2013-2014 гг. (Средний, Южный Урал и Зауралье)

Режимы миграционной подвижности	Желаю иметь			
	ни одного	1	2	3 и >
Частота перемещений				
Каждый день	3,2	3,2	67,7	25,8
Через 2 дня	11,1	11,1	55,6	22,2
Через 3 дня	0,0	11,1	33,3	55,6
Через 4 дня	5,9	5,9	52,9	35,3
Каждую неделю	3,3	15,0	56,7	25,0
Вахт. метод	0,0	14,3	42,9	42,9
Гибк. график	5,6	11,1	61,1	22,2
В др. порядке	0,0	5,8	51,2	43,0
В группе маятниковых мигрантов	4,0	10,3	57,1	28,6
В группах постоянного населения	2,5	8,2	55,7	33,6

Таким образом, среднее желаемое число детей составило у маятниковых мигрантов 2,246, тогда как у прочих опрошенных, давших ответ – 2,371. Следовательно, желаемое число детей у населения, не подверженного в момент обследования состоянию маятниковых перемещений в последний месяц желаемое число ниже, чем у других категорий такового, что вполне понятно. Изматывающий характер маятниковой миграции не всем под силу и такие нагрузки, как правило, выдерживают, лишь более молодые семьи (имеющие меньшие репродуктивные ожидания и желания, чем в старших возрастных когортах). В группе не ответивших на вопрос о характере перемещений среднее желаемое число детей составило 2,358. Следовательно, *не желают иметь детей ни ни каких обстоятельства 8,2 % молодых семей. «Большая половина» (55,7 %) считает желанным выбор двух детей. И только треть (33,6%) испытывают потребность в третьем ребенке и в детях более высокой очередности. Последняя группа в настоящее время считается стратегически важной с позиции государственной демографической политики. Однако текущие затраты семьи на троих детей, достигших совершеннолетия суммарно превысят стоимость малоэтажной трехкомнатной и даже четырехкомнатной квартиры. Следовательно возмещение репродуктивных затрат родителям будет иметь со стороны государства (государства и корпорации) лишь частичным и напоминать по форме страхование позитивного страхового случая.*

Оказалось, что миграция (третий демографический переход отличается резким увеличением влияния на воспроизводство населения фактора миграции) оказывает влияние на влечение опрошенных к ценности детей. Так, средний балл (по 10-ти балльной шкале) у маятниковых трудовых мигрантов составил 8,08 (доля 10-ти балльных оценок составила 41 %), в малочисленной группе «вахтовиков»- 8,71 (43%, соответственно), у использующих гибкий график занятости всего – 7,94 (38%) и «у занятых в другом порядке» - 8,46 (53%). Заметно значительное снижение величины среднего балла именно в группе с гибким и нерегулярным

режимом занятости, что интересно. Собственно у оседлого населения влечение к ценности детей оказалось большей. Что же касается «вахтовиков», то данная группа в нашей выборке представлена очень малочисленной группой и полученные данные мало репрезентативны. За счет чего же повысилось влияние миграционного фактора репродуктивного поведения? Это произошло, во-первых, традиционным способом – привлечением в «екатеринбургский мегаполис» и его ближайшее окружение большого числа молодых семей (нечто подобное наблюдалось в 1926–1928 гг.). В 2012–2014 гг. в Свердловской области продолжилось наращивание величины миграционного сальдо, начавшееся в 2003 г. Во-вторых, усиливается тенденция переезда в Россию с видом на жительство молодых семей коренного населения из Средней Азии и формирования значительного числа межнациональных браков. На брачную и внебрачную рождаемость оказывает влияние особенности репродуктивных установок прибывших мужчин и женщин. Кроме того, сегодня в мегаполисах Среднего и Южного Урала действует малоизученный феномен массовой *маятниковой миграции*, который усиливает внебрачную рождаемость и дестабилизирует молодые семьи на периферии Свердловской, Челябинской и Курганской областей.

Что касается оценки фактора семейной политики, то в УрФО таковой представлен на самом высоком уровне. В настоящее время осуществляется План мероприятий по реализации II этапа (2011–2015 гг.) Программы демографического развития Свердловской области на период до 2025 года («Уральская семья»). Причем происходит ее развитие, тогда как ранее челябинская концепция демографического развития по степени своей разработки признавалась экспертами одной из самых успешных в России и была связана одно время с идеей заключения муниципалитетами репродуктивных договоров с молодыми семьями. Число семей было строго регламентировано по признаку получаемых средств. В настоящее время позиция фактора семейной политики была существенно усилена за счет увеличения веса материнского (семейного) капитала и появления значимой региональной компоненты МК за счет областного бюджета.

Свердловская область «форсирует» развитие жилого комплекса в целом (имеется в виду областная целевая программа «Развитие жилищного комплекса в Свердловской области» на 2011–2015 гг.). На территориях, которые играют роль экономических точек роста и стягивают вокруг себя молодое население и рабочую силу, динамично решается проблема предоставления услуг учреждений дополнительного образования для детей дошкольного возраста. Учтем, что в 2016 г. в стране ожидается принятие соответствующего федерального закона о «полном дошкольном образовании». Однако финансовый кризис и рецессия может затормозить этот процесс.

Основываясь на последних проведенных исследованиях, мы предлагаем использовать принцип базовых стратегических ценностей в качестве регулятора индивидуального демографического и семейного поведения, таким образом, чтобы это поддерживало стремление молодежи к упрочению ценности семьи (в том числе семьи молодой). Инновационные и модернизационные тенденции и механизмы позволяют это сделать на основе реорганизации существующего механизма ипотечных обязательств в отношении формирующихся молодых семей. В послании Федеральному Собранию Президента в декабре 2013 г. упор был уже сделан именно на жилищных программах для малочисленных «новых поколений» родителей, рожденных в начале 90-х годов прошлого века [8]. В послании Президента Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 года прямо говорится о ценностях здоровья нации и семьи, демографических волнах обуславливающих сегодняшнюю переполненность школьных классов и ДОУ, но дающих надежды на полноценное развитие России в будущем. Президент отмечает, что: «Наши демографические программы доказали свою эффективность...» [9].

При разработке мер *пронатальной и фамилистической политики*, хотелось бы выделить три контингента женщин, увеличивших в текущий период свои репродуктивные вклады в воспроизводственный процесс России. На наш взгляд, к данным категориям относятся женщины, отложившие рождение детей более высоких очередностей на неопределенный срок в 90-х годах прошлого столетия (их число сегодня быстро сокращается в силу есте-

ственных причин). Затем следуют когорты обычным порядкам вступившие в возрастной интервал 20-30 лет. И, на наш взгляд, в числе наиболее репродуктивных когорт в настоящее время имеют место замужние женщины, которые рожают детей «как бы с запасом» под влиянием опасений того (18,8 % респондентов считают, что средств выделяемых на демографическую политику должно в той или иной степени хватить), что деньги выделяемые Правительством на политику платного материнства не могут быть неограниченными бюджетом страны и регионов.

В порядке обсуждения общественного проекта Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 года [10] хотелось бы высказать свою точку зрения по определению семьи как социального института и семьи как субъекта права в нашей стране. В связи с этим, предлагаем ввести в законодательно, включая Семейный кодекс (Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ) нормативно-правовое определение семьи как социального института, наряду с учетно-статистическим (переписным) определением семьи, как типа домохозяйства (группы лиц, связанных отношениями родства, свойства, общностью бюджета и местом проживания). Институт семьи в России – устойчивая общность малых социально-демографических групп населения различного типа, культурным и правовым образом опирающаяся в процессе своего естественного воспроизводства на нормы моногамии. Стратегически важнее привести все нормы социальной политики и кодексов страны в координацию с задачей успешного формирования и развития молодых семей в принципе. Для обеспечения эффективности программ социальной защиты и социально-экономической поддержки молодой семьи в регионах России, необходимо законодательно закрепить категорию молодой семьи как определенного социально-демографического типа семьи. Столь революционный шаг, предпринят в «Основах государственной молодежной политики до 2025 г.». В документе впервые законодательно определено понятие молодой семьи в России. «Молодая семья - семья, состоящая в первом зарегистрированном браке, в которой возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 30 лет» (для участников жилищных программ поддержки молодых семей возраст участников увеличивается до 35 лет)[11]. Нормативно-правовое признание статуса молодой семьи в России имеет огромное значение для перспектив ее жизнедеятельности в будущем в целом во всех отношениях и для демографической и семейной политики, в частности. Происходящие положительные перемены в институциональной среде могут положительно сказаться на стабильности функционирования институтов семьи и брака. Естественно, что в ближайшей перспективе это может стать реальным при условии отмены экономических санкций к России со стороны Евросоюза и США, эффективных мер преодоления финансового кризиса в стране и предотвращения тенденции рецессии и безработицы молодежи, модернизации института ипотеки, сокращения задолженности молодых семей государству и финансовым организациям сомнительного статуса.

Список литературы:

1. Центральная база статистических данных // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>
2. Демоскоп. [Электронный ресурс]. URL : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_tfr.php.
3. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.
4. Антонов А.И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991–2007 годы // Демографические исследования. 2008. № 7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N6/index.html?idR=20&idArt=1466#_ftn1_ftn1.
5. Айзен И.[Электронный ресурс]. URL: <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=608758>.
6. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/.
7. Архангельский В.Н. Репродуктивное поведение населения Свердловской области на современном этапе демографического развития // Горизонты демографического развития России:

смена парадигм научного предвидения: сборник материалов IV Уральского демографического Форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. С.142-150.

8. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года, /13:15 Москва, Кремль. [Электронный ресурс]. URL:<http://kremlin.ru/transcripts/19825/work>.

9. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года, 13:20 Москва, Кремль. <http://www.rg.ru/2014/12/04/poslanie-site.html>, <http://kremlin.ru/transcripts/47173>

10. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х частях // Составитель Мизулина Е.Б. и др./ Часть 1.–М., 2013.

11. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 2403-р. [Электронный ресурс]. URL . http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/

УДК 316.35:061.23

СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ВОЛОНТЕРОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Кузьминчук Анна Александровна

магистр государственного и муниципального управления, ассистент

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

E-mail: a.a.kuzminchuk@urfu.ru

VOLUNTEERS' SOCIAL COMMUNITY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Anna A. Kuzminchuk

Assistant, The Ural federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ – В рамках данной статьи представлены результаты эмпирического исследования волонтеров города Екатеринбурга методом анкетирования (N=419, 2014). Волонтеры рассматриваются в качестве социальной общности, выделяются общностные признаки волонтеров, анализируются проблемы и перспективы развития городской социальной общности волонтеров.

ABSTRACT – This article presents the results of empirical study of volunteers (Yekaterinburg, N = 419, 2014). This article examines the volunteer's social community, analyzes the problems and prospects of the development of urban volunteer's social community, gives recommendations for the development of this community.

Ключевые слова: волонтерство; добровольчество; социальная общность.

Keywords: volunteering; social community; volunteers' social community.

В рамках данной статьи представлены результаты эмпирического исследования социальной общности волонтеров г.Екатеринбурга методом анкетирования. В исследовании волонтеров мы опирались на теорию социальных общностей. Под социальной общностью волонтеров мы понимаем взаимосвязь людей, оказывающих социально значимую помощь без расчета на материальное вознаграждение, обладающих необходимыми ресурсами, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов [1].

Анкета в соответствии с поставленными задачами в программе исследования была разделена на следующие блоки: 1) идентификация с общностью, 2) общностнообразующие характеристики и черты волонтеров, 3) намерения членов общности, 4) структура общности по направлениям деятельности, 5) мотивация членов общности. В связи с отсутствием официальных статистических данных о численности (формальных и неформальных) волонтеров в Свердловской области и г. Екатеринбурге отбор единиц выборочной совокупности произ-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта №14-03-00072.